

УДК 008

ИСТОКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: «СЛАВИЗМ» ИЛИ ВИЗАНТИЗМ?**THE ORIGINS OF RUSSIAN CULTURE: «SLAVISM» OR BYZANTIUM?****Т.П. Матяш****T.P. Matyash**

Донской государственный технический университет,
Россия, 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

Don state technical university, 1 Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344000, Russia,

E-mail: tamara.matiash@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена актуальная по сей день дискуссия русских религиозных философов о славистских и византийских истоках русской культуры.

Resume. The article examines the actual to this day discussion of Russian religious philosophers about the Slavic and Byzantine origins of Russian culture.

Ключевые слова: И.С. Аксаков, А.С. Хомяков, Д.А. Хомяков, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев, славизм, панславизм, византизм, «русский византизм», славянский культурный тип, византийский культурный тип.

Key words: I.S. Aksakov, A.S. Khomyakov, D.A. Khomyakov, K.N. Leontiev, V.S. Soloviev, Slavism, Pan-Slavism, Byzantism, «Russian Byzantism», Slavic cultural type, Byzantine cultural type.

Хочу сразу же дать понимание основных терминов, которые организуют понятийный ряд данной статьи. Понятие «славизм» (от слова «славяне») ввел К.Н. Леонтьев для обозначения славянской культуры в единстве религиозных, юридических, бытовых, художественных ее отличительных признаков [3, с. 390].

Термин «славянофиль», как утверждал Д.А. Хомяков (сын А.С. Хомякова), впервые употребил В.Г. Белинский (в негативной идеологической коннотации). Обозначив этим термином русско-православное направление, представителями которого были А.С. Хомяков, братья Киреевские, братья Аксаковы и другие мыслители этого сообщества, он затемнил и искажил суть направления. Термин «славянофиль» в то время уже существовал, и им называли представителей русского направления (ярким представителем этого направления был А.С. Шишков – писатель, военный и государственный деятель, адмирал, министр народного просвещения), которые боролись против предпочтения всего чужого своему, против подражания французским модам и обычаям и против всеобщего употребления в общественных разговорах французского языка. Восстав против нововведений тогдашнего времени, они тем не менее признали исконно русским «все введенное прежде, от реформы Петра до появления Карамзина». Более того, век Екатерины, перед которой они благоговели, считался у них не только русским, но даже «русской стариною». По мнению Д.А. Хомякова, «шишковские славянофиль» были «чужими народу», ничего не понимали в его русской жизни. У них даже не было мысли поставить вопрос о своеобразии русской культуры. Русско-православное же направление было ориентировано «на возрождение русского народа по всем направлениям жизни народной чрез уяснения руководящим классам особенностей истинно народного понимания, забытых или искаженных со времени прорубки знаменитого «окна в Европу» Петром». И все же термин «славянофиль» в интерпретации Белинского вошел в словарь русской философии, и славянофилами стали называть представителей русско-православного направления, а именно А.С. Хомякова, братьев Киреевских, Аксаковых и их последователей [8, с. 240].

Идея панславизма, суть которой Ф. Энгельс определял как «союз всех малых славянских наций и национальностей Австрии и, во вторую очередь, Турции», была детищем австрийских славян. Появление этой идеи Ф. Энгельс расценивал как неблагодарность славян,

которые, будучи обязаны сохранением своей национальной идентичности немцам и мадьярам, вместо того, чтобы отблагодарить своих спасителей и «заплатить» им «*даже переменной своей национальности на немецкую или мадьярскую*» (курсив мой – Т.М.), создали «заведомо реакционную» идею, нацеленную на борьбу против революционных устремлений немцев и мадьяр, на «создание славянского государства под владычеством России» [9, с. 304]. Однако и с идеей панславизма было не все так просто, как предвзято считал классик марксизма.

Проблемой истоков русской культуры впервые всерьез озаботились старшие славянофилы. Так, И.С. Аксаков, «пламенный поклонник славянства во что бы то ни стало», «слепо» веривший «в его *залог*» [5, с. 615], был убежден, что специфика русской культуры уходит корнями в духовное родство славянских народов, которые, несмотря на постоянное угнетение, упорно и мужественно сохраняли славянскую идентичность, особый славянский культурный тип. Поддерживая идею панславизма, он был уверен, что Россия вне всеславянского объединения не сможет высвободить славянские истоки русской культуры, погребенные под слоем заимствований. Что же касается славян, то без «духовной связи» с Россией их «собственное, самобытное развитие и преуспеяние» «немыслимо и невозможно!». Поэтому освобождение славянских народов от материального и духовного гнета расценивалось И.С. Аксаковым как «историческое призвание, нравственное право и обязанность» России, «повинность», налагаемая на нее историей. Мысли, что Россия, освобождая славян, делает первые шаги к «особой и богатой славянской культуре», высказывали также А.С. Хомяков, Н.Я. Данилевский [1]. Следует отметить, что идея духовного родства всех славянских народов была близка русскому народу, который бескорыстно шел освобождать своих братьев-славян от угнетателей.

В разгар всеобщего упоения идеей существования славянского типа культуры, являющегося истоком русской культуры, прозвучал отрезвляющий голос К.Н. Леонтьева. Он привел ряд аргументов, доказывающих, что славизм как культурного типа «или нет уже, или еще нет; или славизм погиб навсегда, растаял, вследствие первобытной простоты и слабости своей, под совокупными действиями католичества, византизма, германизма, ислама, мадьяров, Италии и т. п., или ... славизм не сказал еще своего слова и таится, как огонь под пеплом...» [3, с. 57]. Если «славизм» и существует, то «только как племенное этнографическое отвлечение», как «идея общей крови (хотя и не совсем чистой) и сходных языков», что не имеет никакого «положительного организующего содержания», лишено «всякой сложной системы особо славянских идей». Более того, кровь, если она чистая, приводит, как писал К.Н. Леонтьев, к «бесплодию духовному», а потому не случайно «все великие нации очень смешанной крови» [3, с. 38–39]. «Славизм» не имеет общих для всего славянского мира «всемирно-оригинальных» идей: религиозных, государственных, юридических, бытовых, художественных, с помощью которых можно было бы организовать славянский мир в некий своеобразный культурный мир. «Славянство» для К.Н. Леонтьева, как писал Вл. Соловьев, «есть термин без всякого определенного культурного содержания» [7, с. 417], потому что славянские народы разъединены, прежде всего, по религии (католичество, протестантство, православие, мусульманство). Так, если «православные сербы Турции привыкли смотреть на немцев (Австрии) как на самых опасных врагов», то «католические сербы Австрии (хорваты, далматы и др.) привыкли сражаться под знаменами Австрийского государства» [3, с. 67]. Болгары же в борьбе за «племенное возрождение» выступили не только против православных греков, но и против византизма вообще, против авторитета византийской Церкви¹⁰. Поэтому «с болгарам и говорить даже разумно о греках нельзя» [там же]¹¹. Отвергая «византийский авторитет», который «правит уже несколько веков самой великой силой славянства – русским государством», болгары, как предупреждал К.Н. Леонтьев, в дальнейшем могут стать самым опасным для нас славянским народом [3, с. 54; 4, с. 385]. Не подтвердилось ли это предостережение К.Н. Леонтьева, когда во второй мировой войне болгары выступили на стороне фа-

¹⁰ Речь идет о борьбе болгар против греческого церковного владычества. Желание болгар во что бы то ни стало освободиться от власти греков и создать свою национальную церковь побуждало их не только отвергать греческие церковные правила, но и возлагать на власть султана все свои надежды в решении вопросов духовного освобождения [подробно см.: 2].

¹¹ К.Н. Леонтьев встал безоговорочно на сторону греков и называл статьи М.Н. Каткова и И.С. Аксакова в защиту болгар «греховным дерзновением» [5, с. 616].

шисткой Германии, а после распада Югославии в 90-е годы XX века мы получили страшную междоусобицу славянских народов, а в некоторых из них получили распространение открытых русофобских настроений?

Разъединены славяне, как считал К.Н. Леонтьев, и по своим экономическим и политическим интересам, по тематике исторических и военных преданий, по национальным интересам. С его точки зрения, как писал Вл. Соловьев, «славянские народы жили и живут чужими началами» [7, с. 417]. Например, чехи (самый образованный славянский народ) по своему быту, привычкам, нравственным ориентирам, юридическому воспитанию являются «немцами, переведенными на славянский язык». Юго-западные и западные славяне предрасположены «к равенству и свободе, то есть к идеалам или американскому, или французскому, но никак не византийскому» [3, с. 42, 67]. Их «психический» строй и «религиозно-политические идеалы» гораздо ближе к буржуазно-европейскому строю и к либерально-утилитарным идеалам, чем к православию и православной государственности. Сербы, например, «все демократы». Поэтому панславизм, как считал К.Н. Леонтьев, опасен для России: всеславянское объединение ослабит религиозные византийские начала русской культуры, которые лежат в основе мощи русской государственности. Если панславизм и возможен, то только как политическое объединение на основе либерально-эгалитарных идей современной Европы, которыми западные славяне «насквозь пропитаны». Но, по убеждению К.Н. Леонтьева, политическое объединение славян не сможет быть долгим и прочным, так как каждая нация, каждое племя будет стремиться отстоять свои интересы, протестовать против того или иного общего порядка, ибо за время увлечения эгалитаризмом и либерализмом славяне «привыкли» «протестовать». Предвидение К.Н. Леонтьева сбылось: юго-западные славяне действительно объединились в федеративную республику Югославию, которая не сумела продемонстрировать единства славянских интересов перед лицом идеологической и военной экспансии США в конце XX века.

Считая глубочайшим заблуждением славянофилов их убеждение в том, что объединение со славянами усилит государственную мощь России, К.Н. Леонтьев утверждал обратное. Государственная мощь совсем не случайно «выпала в удел» великороссам как «священный залог истории». Государственность – это талант русского народа, и этот талант следует охранять и беречь от разлагающего влияния западной эгалитарно-либеральной идеи. Государственная сила великороссов может сохранить не только собственную культуру, не только существование всех славян, но и стать залогом будущего спасения Европы «против пожирающей ее медленной анархии» [подробно см.: 3].

Признав бесперспективность идеи славизма для экономического, политического, религиозного и культурного усиления России, К.Н. Леонтьев заявил: «России необходим византизм», а не славизм и панславизм. «Это горько и обидно! Но разве это неправда?», – спрашивал он у своих современников [3, с. 58–59]. В отличие от славизма, византизм, как показал К.Н. Леонтьев, является культурным типом, так как имеет «свои отличительные признаки, свои общие, ясные, резкие, понятные начала и свои определенные в истории последствия». Поэтому его крайне удивлял тот факт, что Н.Я. Данилевский, «перечисляя все культурные типы, *забыл Византию*» [4, с. 274]. Такая «забывчивость» вызвала у К.Н. Леонтьева осуждение, так как о византийской культуре сочиняли небывлицы западные исследователи. Они приписывали византийской культуре варварские обычаи, скучный, «жалкий и подлый» образ жизни, обвиняли византийских императоров в неслыханной жестокости и коварстве и т. д. Причины столь негативного отношения Запада к Византии и ее культуре К.Н. Леонтьев видел в том, что Запад знал только феодализм, католичество, протестантизм, республиканское государственное устройство, и ему было чуждо, а потому и не понятно византийское православие и самодержавие.¹²

¹² Правда, на Западе были мыслители, признававшие Византию целостным культурно-политическим организмом, все формы жизни которого оплодотворялись мистической христианской идеей. К.Н. Леонтьев цитировал французского историка Амедея Тьерри: «Не надо забывать, что именно Византия дала человечеству совершеннейший в мире религиозный закон – христианство», распространила христианство, дав «ему единство и силу», что «... между гражданами Византийской империи были люди, которыми могли бы гордиться все эпохи, всякое общество». Ссылаясь К.Н. Леонтьев и на труды Ф. Гизо, в которых утверждалось, что в эпоху византийской образованности, «которая переступала тогда далеко за пределы византийского государства, не было ни «дикости», ни «простоты», ни «бессознательности».

Обвиняя Н.Я. Данилевского в забывчивости по поводу существования византийского культурного типа, К.Н. Леонтьев тем не менее принял его теорию культурных типов, согласно которой любая культура представляет собой сложную систему отвлеченных религиозных, государственных, лично-нравственных, философских и художественных идей. Различие же между культурами зависело от количества идей, доминирующих в той или иной культуре, а также от содержательного наполнения этих идей. Если доминирует одна идея, то такую культуру Н.Я. Данилевский, как известно, называл одноосновой, если две – двухосновой и т. д. Выделив «византизм» как особый культурный тип, К.Н. Леонтьев отнес его к одноосновным.

Сравнивая два одноосновных типа культуры – византийский и римский, К.Н. Леонтьев писал, что если Рим был «самобытен и могуч» в «сфере юридической, политической, государственной», то великую одноосновность Византии составила христианская религия и «первое в истории государство христианского вероисповедания». Государственные, нравственные, художественные и другие идеи византийской культуры определялись «небывалой дотоле великой религиозной системой». Византизм в государстве означал самодержавие, воплощенное в православной монархии, идея которой сформировалась в результате соединения римского кесаризма с христианством. В византийском нравственном идеале преобладала склонность «к разочарованию во всем земном», отвергалось внесенное в историю германским феодализмом «крайне преувеличенное понятие о земной личности человеческой, не разделялась надежда «на всеобщее благоденствие народов» «в смысле земного всеравенства, земной всеобщности, земного всеобщества и вседовольства» [3, с. 9–10]. В сфере эстетической жизни Византия «дала миру неподражаемые и недостижимые образцы всех родов церковного искусства: в зодчестве – св. Софию, в иконописи – Панселина¹³, в пении – все бесчисленные божественные напевы, коими оглашаются и – как можно верить – до конца мира будут оглашаться во всей вселенной православные храмы?» [4, с. 275]. Эстетическую сторону жизни К.Н. Леонтьев относил к одной из главных в религиозной культуре Византии, за что критики обвиняли его в эстетизме. Парируя оппонентам, он писал, что эстетическое и религиозное не противоречат друг другу, напротив, эстетика жизни «подпитывает» мистические религиозные чувства.

Говоря о византийских истоках русской культуры, К.Н. Леонтьев многократно напоминал, что византийские начала («церковь и царь») «как сложная ткань нервной системы, проникают насквозь весь великорусский общественный организм», «византийские идеи и чувства сплестили в одно тело полудикую Россию» [3, с. 30], «оформили» религиозно и культурно «размытый» на обширных пространствах народ, «простой, свежий, ничего почти не испытавший, простодушный, прямой в своих верованиях». При этом он не отрицал, что византийские начала были творчески переработаны русским народом, создавшим русский православный монархизм, русскую церковную архитектуру, русский православный быт и т. д. Поэтому, как утверждал К.Н. Леонтьев, следует говорить о «русском византизме», обозначающим то историческое обстоятельство, что «Россия не создала православия», а стала преемницей великой православной византийской культуры. «Византийские греки создавали, русские только учились у них», ибо «Бог пожелал, чтобы христианство было в высшей степени греческим» [5, с. 611]. Для русских религиозная сторона византийской культуры «не была национальна как продукт, но она стала в высшей степени национальна как усвоение». Русские усвоили православие так органично, что теперь «и как нация, и как государство без него жить» не могут.

Идея «русского византизма» была сопряжена с проблемой возможности жизни культуры после гибели того государства, которое «произвело» эту культуру. История государств и культур свидетельствует, что время жизни культуры и время жизни государства не совпадают, и культуры обыкновенно надолго переживают те государства, которые их произвели. Так, эллинская образованность и эллинская религия боролись с христианством еще долго при византийских императорах, тогда как последние черты эллинской государственности стерлись еще до Р. X. Гибель византийской империи также не

¹³ Мануил Панселин (конец XIII – начало XIV вв.) – выдающийся византийский живописец, иконописец Палеологовского периода.

привела к гибели византийской культуры, которая «рассеяла» свои семена на почвах Европы и России. Но «почвы» были разные, а потому «проросли» и различные всходы.

Религиозная идея византизма породила в русском народе «церковное чувство» любви к православной Церкви, определило религиозный дух русского народа, его понимание святости, спасения души и т. д., его склонность, например, к «покорности властям». К.Н. Леонтьев называл эту черту русского народа «византийской выправкой» [3, с. 31] и видел ее истоки в религиозно-монархической дисциплине, перенятой от Византии. Он ценил в русском народе «талант повиновения», называл его особой «практической мудростью народа», состоящей в том, чтобы «как можно менее мешаться в общегосударственные дела», что делает политику «тверже, толковее». На Западе народ, развращенный либерально-демократическими идеями, утратил способность «выносить дисциплину отвлеченной государственной идеи, скрытой в ее недрах», а потому легко поддавался на призывы свержения монархий¹⁴.

Православная религиозность, как считал К.Н. Леонтьев, повлияла на все исторические события в нашем отечестве. Даже наш великорусский раскол «носит на себе печать глубокого византизма». Раскольники боролись за чистоту византийского православия, считали себя «более византийцами, чем членов господствующей Церкви», а потому «не признавали за собою права политического бунта» [3, с. 31]. Православная религиозность и «церковное чувство» дали нашему народу «силу перенести татарский погром и долгое данничество», сплотили его в борьбе с иноземными захватчиками в годы Великой смуты, французского нашествия в 1812 году и т. д. Православие, как считал К.Н. Леонтьев, стало преградой на пути быстрого проникновения в нашу культуру новоевропейских идей «мелкого земного всеблаженства» [3, с. 30].

Что касается государственной идеи византийской монархии, то Россия дополнила ее такими компонентами власти великого князя Московского, как патриархальность и наследственность, что впоследствии породило феномен родового и безграничного русского царизма. Но, несмотря на эти «дополнения», византизм, как считал К.Н. Леонтьев, укрепил «родовое монархическое чувство» русского народа, способствовал тому, что царский род стал восприниматься как священный. Поэтому-то в русском обществе государство «всегда было сильнее, глубже, выработаннее не только аристократии, но и самой семьи». «Жизненность и силу нашего родового царизма, столь тесно и неразрывно связанного с византийским православием», доказывают, как считал К.Н. Леонтьев, даже «русские самозванческие бунты» Разина и Пугачева. Они содержали в себе «родовые и религиозные монархические начала» в отличие от западноевропейских бунтов, имеющих «или протестантский, или либерально-демократический характер». В русских бунтах проявился двойственный характер русского царизма, который, как родовое наследственное и религиозное начало, был, с одной стороны, «плодотворным и спасительным», «единственным организующим началом, главным орудием дисциплины», а с другой – «знаменем бунтов».

В том, что «византийский дух, византийские начала и влияния, как сложная ткань нервной системы, проникают насквозь весь великорусский общественный организм» [3, с. 32], К.Н. Леонтьев видел проявление сверхчеловеческой логики истории, «божественной телеологической связи в исторических явлениях». Русским, – писал он, – было «назначено» в определенное историческое время (XV век) взять на себя ответственность за сохранение византийской православной культуры, а потому не случайно в это время русские освободились от татарских уз, греки подчинились турецкому игу, Иоанн III женился на Софии Палеолог, принесшей с собой в Москву множество византийских влияний и порядков. Все эти события, как утверждал К.Н. Леонтьев, подчинены законам некой высшей телеологической логики. Поэтому-то, с его точки зрения, не следует по произвольному субъективному замыслу «ломать» византийские основы культуры России. Так, вступив на путь подражания Европе, Россия нарушает божественную «телеологию», за что неминуемо последует возмездие. «Изменяя даже в тайных помыслах наших» византизму, мы погубим Россию как религиозный тип культуры. Изменой византизму была, с точки зрения К.Н. Леонтьева, предложенная Вл. Соловье-

¹⁴ Будучи провидцем во многих своих взглядах на судьбу России, К.Н. Леонтьев не сумел предугадать, что буквально через два десятка лет после его смерти русский народ потеряет свою практическую мудрость и, отринув талант повиновения, свергнет русского царя.

вым идея подчинения православия папству, даже несмотря на то, что эта идея позиционировалась самим Вл. Соловьевым как направленная на борьбу с «антихристом демократии».

Идея «русского византизма» не была поддержана современниками К.Н. Леонтьева. По его признанию, слово «византизм» послужило ему «плохую службу в русской литературе» [5, с. 604]. Причины неприятия идеи «византизма»¹⁵ были самые разные. Так, Вл. Соловьев, который считал, что «русская цивилизация – есть цивилизация европейская» и назначение русской цивилизации – «служить почвой для примирения православия с папством» [5, с. 618], не мог принять идею «византизма». Он видел в ней главную помеху «религиозного слияния всех христиан во единую истинно Вселенскую Церковь. «Я понимаю, – писал в этой связи К.Н. Леонтьев, – что Вам, Владимир Сергеевич, успехи моей этой теории и ее популяризация не могли бы быть приятны» [5, с. 605].

Старшие славянофилы воспротивились идее «византизма», усмотрев в ней отрицание существования «особой славянской церкви», особого «русского» и шире «славянского православия». К.Н. Леонтьев же считал, что никакого славянского колорита у русской православной церкви не может быть, так как наше православие есть православие греко-российское. Именно оно обуславливает нашу культурную самобытность, нисколько не умаляет огромного всемирного значения русской национальной культуры, а только уменьшает ее «лжеславянские претензии», заставляя нас помнить, что «мы являемся чадами византийской культуры», ее единственными верными хранителями. Несмотря на европеизацию, русская нация, считал К.Н. Леонтьев, осталась единственной нацией, хранящей православие, в то время как греки практически полностью европеизировались и потеряли чистоту византийского православия [5, с. 612]. «Культурной самобытности мы должны по-прежнему искать в греко-российских древних корнях наших, а не гнаться за ... никем не виданным чистым славизмом, который по всем доступным ныне признакам рискует выйти не чем иным, как или жалким, или самым страшным европеизмом новейшего времени» [5, с.614].

Оппоненты К.Н. Леонтьева расценили идею «русского византизма» как отказ от идеи русского и шире всеславянского национального идеала, отказ от идеи «культурного национализма». К.Н. Леонтьев же, напротив, считал, что «русский византизм» и есть «культурный национализм», «православно-культурный русизм», включающий «православие и его усиление; самодержавие и его незыблемость»; «сословный строй; сохранение неотчуждаемости крестьянских земель»; «сохранение в быте нашем... как можно больше русского, а если посчастливится, то и создание новых форм быта; независимость в области мышления и художественного творчества». С его точки зрения, в идее «православно-культурного русизма» «религиозное дело» стоит «выше национального». Восточное православие утверждает духовную, умственную и бытовую самобытность русского народа, ставит преграды на пути проникновения в нашу православную культуру западноевропейского рационализма, парламентаризма, господства космополитической буржуазии» и т. д.

Как долго Россия сможет сохранять «русский византизм» (Церковь и самодержавную монархию) и тем самым удерживаться от тотальной европеизации? Применив к России разработанный им закон трех этапов развития, К.Н. Леонтьев пришел к выводу, что российская государственность завершает этап «цветущей сложности»¹⁶, за которым последуют упадок и гибель. Самодержавие падет, и страна неминуемо вступит на путь губительной демократизации и эгалитаризации. Исчезнет специфика русской литературы, поэзии, быта, одежды, архитектуры, музыки и т. д., а русскую православную Церковь будут вынуждать принять безликое и рационализированное богослужение по образцу Западной Церкви. Демократия западноевропейского образца принесет России разрушение: упадет мораль, оскудеет патриотизм, сникнет национальный дух, принизятся гражданские чувства, в силу чего перестанут рождаться гении и герои, победит «серый», «средний человек», «средний европеец»¹⁷. К.Н. Леонтьев пророчески предсказал, что западноевропей-

¹⁵ Подробно о причинах неприятия идеи «византизма» смотри [6].

¹⁶ «Цветущая сложность» – центральный период сформулированного К.Н. Леонтьевым закона «трехэтапного процесса развития» общества. Этот период характеризуется яркостью, многообразием, противоречивостью.

¹⁷ Выражение «средний европеец» К.Н. Леонтьев придумал под влиянием статей Герцена. При этом К.Н. Леонтьев уточнял: «Я говорю не о Герцене «Колокола»; этого Герцена я в начале 60-х годов ненавидел и даже не уважал; но о том Герцене, который издевался над буржуазностью и прозой новейшей Европы» [5, с. 613].

ский эгалитаризм и либерализм будут способствовать ускоренному «размножению» «средних европейцев», то есть самоуверенных и заносчивых граждан, претендующих на неограниченные права и свободы, отвергающих ответственность и долг. Они станут господствовать в обществе, требуя всякого равенства: экономического, политического, умственного, полового.

Список литературы References

1. Аксаков И.С. Славянский вопросъ 1860–1886. Статьи изъ «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Речи въ Славянскомъ Комитетѣ въ 1876, 1877 и 1878. – Москва. Типографія М.Г. Волчанинова (бывш. Н.Н. Лаврова и К^о). 1886 // URL: Lib.ru/Классика.
Aksakov I.S. Slavic question 1860–1886. Article from "The Day", "Moscow", "Moskvich" and "Rus". Speech unto unto the Slavic Committee of 1876, 1877 and 1878. – Moscow. Tipografiya M.G. Volchaninov (ex. N.N. Lavrov and Co.). 1886 // URL: Lib.ru/Классика.
2. Верюжский В., прот. «Происхождение греко-болгарского церковного вопроса и болгарской схизмы // Журнал Московской патриархии. 1948. №№ 11, 12. // URL: <http://archive.jmp.ru/page/index/194812978.html>
Veryuzhsky V., prot. "The origin of the Greek-Bulgarian Church question and the Bulgarian schism // Journal of the Moscow Patriarchate. 1948. №№ 11, 12. // URL: <http://archive.jmp.ru/page/index/194812978.html>
3. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. – М.: 2003
Leontiev K.N. Byzantism and Slavdom // Leontiev K.N. The temple and the Church. – M.: 2003.
4. Леонтьев К.Н. Записки отшельника // Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. – М.: 2003.
Leontiev K.N. Notes of a hermit // Leontiev K.N. The temple and the Church. – M.: 2003.
5. Леонтьев К.Н. Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьеву // Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. – М.: 2003.
Leontiev K.N. Letter to Vladimir Sergeevich Solovyov // Leontiev K.N. The temple and the Church. – M.: 2003.
6. Константин Леонтьев: pro et contra. Том I–II. – СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 1995.
Konstantin Leont'ev: pro et contra. Volume I–II. – SPb.: Publishing House Of Russian Christian Humanitarian Institute, 1995.
7. Соловьев В.С. Леонтьев Константин Николаевич // Владимир Сергеевич Соловьев. Сочинения в двух томах. Т. 2. – М., 1988.
Soloviev V.S. Leontiev Konstantin Nikolayevich // Vladimir Sergeevich Solovyov. Essays in two volumes. Vol. 2. – M., 1988.
8. Хомяков Д.А. Православие, Самодержавие. Народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2011 // URL: <http://www.rusinst.ru/docs/books/>
Homjakov D.A. Orthodoxy, Autocracy. Nation. – M.: Institute of Russian civilization, 2011 // URL: <http://www.rusinst.ru/docs/books/>
9. Энгельс Ф. Демократический панславизм // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое. Т. 6. – М., 1957. – С. 289–306.
Engels F. A Democratic pan-Slavism // marks K., jengel's F. Soch. Ed. 2nd. Vol. 6. – M., 1957. – S. 289–306.